

ОЛЬГА БОГДАНОВА

МИМОЛЁТНОЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Ольга Богданова

МимоЛётное. Впечатления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178712

ISBN 9785449030580

Аннотация

Это собранные за несколько лет частично структурированные, частично обрывочные заметки по ходу нескольких путешествий, это не факты, а ощущения и впечатления, подписи под картинками. Может быть, кого-нибудь это заразит похожими чувствами, кого-нибудь заставит захотеть посмотреть своими глазами на упомянутые места. Италия, почти родная, и несколько других стран мира. Читать можно беспорядочно, можно просто смотреть картинки.

Содержание

ИТАЛИЯ	5
ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	6
Вставная история про Челентано	12
ФЛОРЕНЦИЯ	21
ВЕНЕЦИЯ	24
АРЕЦЦО	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

МимоЛётное Впечатления

Ольга Богданова

© Ольга Богданова, 2018

ISBN 978-5-4490-3058-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИТАЛИЯ

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Мама не была даже в Болгарии, и тут. Италия по общественной линии: нечаянная радость, внезапная поездка, в составе небольшой делегации. Подробный страшный инструктаж: там живут капиталистические враги, будут провокации, готовьтесь давать отпор.

Первый отпор пришлось давать в самолете, бизнесмену из Милана: мама у меня красивая. А уж тогда и вовсе падали и в штабеля укладывались, от разноцветных глаз, светящейся улыбки и осязаемого человеческого тепла. Говорит, поверить не могла, что этот, в шарфике, нарядный, – всерьез: жениться, с мамой знакомить. Думала: вот оно, началось, первая провокация, и такая хитрая. Так и не вышло ничего с итальянским замужеством, в общем: и ты бы, говорит, не простила, ты папу очень любила.

А потом мама потеряла голову от Италии. И мне снесла, в мои-то пять.

Денег ни на что не было, конечно. Поэтому в подарок я получила: несколько камешков, обкатанных Средиземным морем (помню и цвет, и размер, и тактильные ощущения); гармошку с фотографиями Рима (синяя обложка, главная картинка – угадайте? Бинго! Колизей!) и альбом с работами Микеланджело Буонаротти. С Пьетой на обложке.

В книгу я влюбилась сейчас же. Она всегда стояла за стеклом книжного шкафа, – всегда лицом ко мне, прекрасным лицом Девы, отрешенным, трагическим, окаменевшим. Там внутри был еще потолок Сикстинской капеллы, конечно.

И в перспективе не виделось ни единого шанса посмот-

реть на все это живьем.

Наверное, поэтому в пять моих лет Италия стала Чудом, в принципе недостижимым, но случающимся иногда, – например, по профсоюзной линии.

Потом, годам к 12, мы начали выстаивать километровые очереди в магазин Мелодия на Ленинском проспекте. Потому что в нашу жизнь пришел песенный фестиваль Сан-Ремо.

Кстати, наша тогдашняя детская страсть к мелодии (потому что смысла в большинстве песен, конечно, никакого, зато музыка и мелодия языка завораживают; это как звуки, издаваемые предками в доязыковую эру: напрямую, внутрь организма, не ноги в пляс, а судороги в солнечном сплетении, сердечный жар, предчувствие солнечной любви, которой почти ни у кого не случится), – так вот, этот морок аморе до сих пор кормит пенсионеров итальянской эстрады, обедками с корпоративных условно-газпромовских столов. Несколько раз мы встречались в самолете в группой Рикки и повери, например; они и в нашем детстве были не юны, а теперь просто усталые пожилые люди, в их райдере бизнес-класс, и регистрируются они не рядом, и разъезжаются по домам без прощания. Анджела улыбается встречным, – новые губы, подправленное лицо, – и мы, конечно, улыбаемся, потому что прыгали, потные, под Мамма Мария в пионерском лагере, и танцевали на пионерском же расстоянии под самую красивую мелодию всех времен – Кома воррей. В ней, кстати, и слова оказались лирические, вышибающие сентименталь-

ную слезу. Но это выяснилось не скоро.

В начале 80-х мы с сестрой укладывали кассетник на кровать, прижимались к нему ухом, – оттуда, скрипя и посвистывая, пели нам Тото Кутуньо, Пупо и Риккардо Фольи; это мы в 4 утра 1 января записали с телевизора новое Сан-Ремо, и теперь вот пытаемся РАСШИФРОВАТЬ. В общем, и тогда все переводили правильно: ун аморе гранде, большая любовь, остальные виньетки факультативны. Теперь я понимаю гораздо больше, смеюсь прежним интерпретациям, сросшимся глаголам, переосмысленным формам: кто знал, что певучий итальянский так сложен и разнообразен грамматически. И – парадокс! – только с итальянцем ты можешь объясниться на любом языке мира. Причем говорить вы можете каждый на своем, на причудливой смеси, внезапно переходить с одного на другой, – это не имеет значения. Все равно разойдетесь, поняв друг друга правильно, абсолютно довольные беседой. Если, конечно, дело не касается платежей за электроэнергию, – но до этого еще жить и жить.

Так вот итальянская эстрада легла на камушки с Тирренского берега, так итальянский язык поселился внутри меня, жалкий, слабый, призрачный, но навсегда: для чего, скажите, в моем возрасте помнить дословно всю услышанную в детстве итальянскую попсу?

Италия – страна гармонии. Невозможно представить, чтобы в мире такого языка и такой музыки были дожди. Или небо другого цвета. Там, ближе к северу, где горы и снег, уже больше немецкого, и это очень логично.

Но не отвлекаемся.

После Мелодий и ритмов зарубежной эстрады, программы с привкусом «слегка кусните запретный плод, кто вы-

держал, выстоял, не уснул», – пришло новое время, и наши герои приехали сами. Ломовые очереди в Олимпийский и Лужники, бежишь по проходу к сцене с букетом и сувенирами, грации, белла, поцелуй в щеку, воспоминаний на год, как блекнут окрестные мальчишки, портниха шьет шелковые широкие брюки, полцарства за белый шарф, музыка круглые сутки.

И еще кино.

Каникулы, кинотеатр Звездный, 10 копеек детский билет, четыре сеанса подряд. Блеф. Счет для графа Валадые. У меня тузовый покер – у меня тоже. Спустя тысячу лет я покупала и покупала видеокассеты и диски, – и каждый раз нарывалась на другой перевод. Часто было слышно оригинал, – перевод был точным и хорошим, но ДРУГИМ, совершенно не совпадающим с пленкой в моей голове: там персонажи произносили реплики за секунду до экранных, что совершенно не мешало получать удовольствие, как в первый раз. Потом, хвала судьбе, появились вездесущие торренты, и перевод нашелся, и живет в айпэде, чтобы можно было посмотреть в самолете, с любого места, просто чтобы поднялось настроение.

Укрощение строптивого. Танец на винограде. Каким будет твой положительный ответ?

Кстати, Укрощение маркировали по-ханжески: детям до 16. Почему? Кажется, даже не показывали сисек Орнеллы Мути: не ради же финальной сцены нас пытались не пустить? Катькина мама на вопрос билетерши: девочкам есть

16? – ответила невозмутимо, четко, поставленным голосом международного юриста, большого начальника: есть. В сумме. Конечно, нас пропустили.

В журнале Советский экран напечатали как-то летом статью про Челентано, под заголовком Парень с улицы Глюк, естественно, с портретом в мягкой кепке, портрет был гигантский, еле вместился в тетрадку 48 листов, куда вклеивали интересные вырезки. Мама задумчиво сказала: надо же, страшный, временами просто как обезьяна (Бинго-Бонго!), – но какой же мужественный. Потом, в юности, мужчины из этой категории получили в девичьем нашем кругу универсальное название «Без крика в дверном проеме». Мы, девочки, повзрослели, если не сказать обиднее, – а эти мужчины категории не поменяли, несмотря на возраст.

Чем я была так занята в 1987, когда Челентано совершил личный подвиг, едва ли не единственный раз в жизни загрузившись в самолет, – он прилетел в Москву презентовать дурацкий пафосный фильм Джоан Луи (Челентано в качестве миссионера и проповедника итальянцы – и мы за ними – снисходительно терпим, но любим его не за это). Почему я не пошла на концерт? Пришлось ждать до 2012-го, до свидания на Арене Вероны.

Вставная история про Челентано

Про концерт в Вероне надо отдельно.

Лучший альбом он записал, когда ему было 60, io non so parlar d'amore, да кто же как не он умеет о любви – и о ее отсутствии.

После этого было еще несколько прекрасных дисков.

Телепроекты.

Недавнее Сан-Ремо: ему пытались выделить время на несколько песен, – он сказал, что будет на сцене столько, сколько захочет, или не будет вообще; конечно, ему позволили; конечно, он говорил больше, чем пел. Успел обидеть всех, включая католическую церковь. Долго еще потом везде обсуждали, с привлечением экспертов, сошел ли он с ума. А он просто говорил со своим народом.

Потому что для этого народа жизнь «моего героя» интереснее, мне кажется, всех мировых катаклизмов. Помню, как году примерно в 2000-м зашло у меня сердце при виде его портрета на первых полосах всех итальянских газет. Оказалось, кажется, что руку сломал. Или ногу. Или снова сказал что-то с экрана.

Я не знаю, зачем ему были эти два концерта в Вероне: соскучился по публике? Захотел поговорить о наболевшем? Напомнить о себе?

Какая разница. Если за полчаса с момента старта интернет-продаж билетов ушло около 10 тысяч. И тех, что по евро, и «самых дорогих», по 165 евро, которые перед концертом местные красавцы толкали по трешке тысяч.

Если возрастной «разброс» – от младенцев до стариков.

Он, как певица из старого анекдота, может вообще не утруждать связки. «Пусть он просто ходит».

А он и ходил. Этой своей удивительной походкой. Оглядывал Арену.

И в какой-то момент стало ясно, почему он настоящая звезда.

Челентано – это символ и чистейшее воплощение абсолютной, невероятной внутренней свободы.

Господи, как очевидно на его фоне полное отсутствие фигур подобного масштаба на нашей местечковой арене.

Даже если не говорить о декорациях, режиссуре, танцорах и свете. Все эти крайности – от высокомерия и снисходительности до унылого заискивания «ялюблювас и яневижувашихрук».

В какие перья их ни наряди, – никому и близко не подой-

ти. Как там говорил его герой в «Блефе»: «Ставьте на красное, ставьте на черное, все равно выиграет зеро».

Широкие штаны, вечные его эти мягкие казаки странно-го цвета, полуспортивная кофта, беретик вязаный с люрексом. Мы знаем, что под ним – небрежная лысина пожилого человека. Мы видим, что ходить ему уже не очень легко. Но этот бешеный, уникальный, единственный, только его рок-н-ролл, – и он снова Молледжатто, весь на пружинах.

Ему нет необходимости потеть и прыгать, достаточно милетного движения, намека, двух шагов, – и зал вопит в экстазе. Столько в этом силы, стиля и иронии.

«Голос не стареет!», – утешает будто сам себя его друг и соратник, вечный мальчик Джанни Моранди.

Стареет, говорит Челентано, улыбается отрешенно. Стареет. Но становится только лучше.

Люди вокруг поют хором все песни, которые он исполнял за 50 примерно лет. Плачут и обнимаются. Скандируют: Адри-а-но! Хором зовут его в президенты.

Он улыбается.

Жена артиста, она же импрессарио всей его жизни (как, как им это удастся, – вот так срастись неразделимо?), выкладывает в Фейсбук трогательные кадры двух вечеров.

Все кончилось.

Какой крутой, – хором звучит на центральной площади. Расходятся его гости.

Именно так это и выглядит: что он всех пригласил. И вел

себя как хозяин. И столько в этом было, боже мой, тепла и внутреннего достоинства, энергии и правды, любви и таланта.

И еще вот этого странного ощущения, – как много у него впереди. Что он идет все выше и выше. Что каждый новый шаг круче предыдущего. Что он будет творить и удивлять.

А что, может себе позволить. Он же абсолютно свободен. Если внутри, значит, и снаружи: помним ли мы эту закономерность? А он о ней, наверное, и не думает никогда: бывают люди, у которых это просто качество личности.

Он свободен в словах и поступках, речах и делах. В одежде, в конце концов. И он – единственный.

И он – навсегда.

Пусть будет здоров. Пусть улыбается. Пусть хоть иногда берет в руки гитару. Даже если он не сможет петь, – за него споет Италия.

конец вставки, но не конец истории

Если девочка влюбляется в пять лет, в детском саду, любовь обязана рассосаться с возрастом. С Италией у меня не вышло: с пяти лет ничего не прошло, хотя мы давно уже вместе, и недостатки ясны, и проблемы есть, и погода не всегда ясная.

На смену комедиям пришли Феллини и Антониони, но что это меняет? Добавляет понимания. И усугубляет чувство.

От любви (по переписке, по слуху, по телевизору) до первого свидания прошла тысяча лет. Мой муж повез меня в Италию на первые, едва заработанные деньги, это было страшно важно тогда – и еще важнее сейчас. Теперь он говорит: мы всегда мечтали. С детства. Ну да, давно уже «мы» неразделимо.

Друзья просили об одном: выйдя из самолета, не бросайся целовать землю, не позорь мужа.

...Есть такой особенный итальянский цвет, выжженный солнцем, когда вся земля вокруг – терракотта, а трава – желтая, но в палитре нет названия: шафран? Античное золото? Позолоченная солома?

Стрекочут цикады. Небо такое, какого не бывает, и имени другого, кроме адзурро, – небесная синь, – быть не может.

Зачем целовать эту землю при первом свидании? Здесь просто нужно жить. Мы предназначены судьбой друг другу, – эта земля с улыбкой кивает, все ее хотят, она готова принять, приютить, пригреть и пережить.

Это был челночный Римини, самый дешевый курорт, самые грязные пляжи, самая адская августовская сутолока. Групповые экскурсии с гидами, более нацеленными на комиссионные от оптовых продаж.

Нам ничего не мешало. Мы приехали и уехали с небольшой сумкой, подарки купили маленькому сыну, – а все остальное немного потратили на экскурсии (Флоренция, боже мой, настоящая, красные крыши, колокольня Джот-

то, Санта-Мария-дель-Фьоре, любовь навсегда); на вечерние коктейли в баре, нас любили официанты и бармены, обнимали хозяева магазинов, – мы были туристы, а не коммерсанты, мы пытались по-итальянски называть предметы, мы не экономили на обслуживании; но это все поводы, а я думаю, это земля подавала нам через своих аборигенов призрачные надежды на взаимность.

А потом один раз случился Рим, и как будто сложился паззл, как будто разъятые части Целого слились, словно и не расставались. Только здесь. И непременно насовсем. Не сейчас, не сразу, – но когда-нибудь, чтобы в баре спрашивали «вам как обычно», чтобы в каждый приезд – «бен торнати», с возвращением, чтобы совсем свои. Чтобы платаны на набережной, как многолетнего супруга, наблюдать во всех видах: и раздетыми, чернильно выписанными на фоне неба, зимой; и принаряженными в юную листву, и запыленными от усталости. Любить и любоваться в любом виде. Только это настоящая совместная жизнь, по правде, навсегда.

Чтобы смотреть, включен ли свет в княжеской квартире, встроенной в античную стену театра Марчелло, у них очень красивые потолки.

Чтобы небо было такое, что захватывает дух: так высоко, такая густая синь, такие пышные облака, такой безжалостный и ласковый свет.

Чтобы в плюс 15 наматывать шарф, а не снимать с облегчением теплые куртки.

Чтобы расслабленно ждать, когда официант подойдет за заказом, никогда не торопиться, потому что самое важное – не дела и деньги, а вот это ожидание: вкусной воды, теплого хлеба, солнечного луча, ощущения густоты времени. Чем тягучее и медленнее, тем дальше кажется финиш, тем больше удовольствия от мгновения.

Запахи и звуки; ты не просто слышишь слова, но и улавливаешь смысл; ты учишься объяснять все немислимое – простым и исчерпывающим: siamo in Italia. Мы в Италии. Этого

достаточно.

Чтобы, мимоходом поглаживая пробивающуюся через средневековые античность, подумать – тоже мимоходом, – что все проходит, и все остается.

В общем, если тебя с детства ведет по ступенечкам, ненавязчиво, с остановками в пути, – ведет по лесенке в сторону этого неба, приходит момент, когда ясно: больше без этого не жить. Просто невозможно представить, что это – не твое.

Твои намерения серьезны, ты хочешь быть вместе навсегда.

И тогда нужно действовать. От любовных записок переходить к предложению руки и сердца.

Но это уже совсем другая история.

ФЛОРЕНЦИЯ

На городских вокзалах поставили рождественские ели; куда дотянется рука, люди вешают письма деду Морозу, Баббо Натале. Можно целый час читать, чего хочет человек: от мира в мире до «святая Катерина, пошли мне дворянина, усы и шпага – все при нем». За каждой запиской история. Фотографируйте, увеличивайте, рассматривайте, переводите.

Флоренция давно уже не требует ни слов, ни описаний; фотографий тоже не требует, но как удержаться, так бы и стояла на мосту, каждую секунду новая красота.

По Арно снуют неленивые байдарочники, невзирая на мороз.

У итальянцев праздник Непорочного Зачатия, официальный выходной в четверг, соответственно, и в пятницу никто не работает (понте, мостик между выходными), страна мигрирует по заслуживающим внимания местам (будто они не в каждой деревне), толпы на знаменитых улицах, очереди в музеи, толкучка на рынках и в магазинах, битком забитые рестораны и кафе. Уже совсем рождественское настроение; я бы не удивилась, если б мостик от Иммаколаты продлили до 25 декабря.

Флоренция нескончаемая, трое суток бродишь с прекрасной Сандрой (если нужен гид, обращайтесь), а список того, что надо увидеть, но не успеваешь, только растет. Приехать на неделю, встать в 7, чтобы хоть немного посмотреть в этом концентрате прекрасного.

Все так же вкусно в трактире 4 льва, где обедал еще сэр Энтони Хопкинс, когда снимали Молчание ягнят.

На центральном рынке в ресторанном дворе – как в первом советском Макдональдсе, и также над тобой стоят потеющие в куртках семьи в ожидании, когда доешь; только на столе устрицы, крудо, пицца, свежий сыр, а не картош-

ка фри.

Гуляем девицами; Санта Кроче, Уффици, Питти, Сан Лоренцо; глинтвейн на площади; погода напугала немножко в первый вечер промозглым холодом, потом смягчилась, чтоб не портить праздник.

Флоренция город колдовской: теряешь направление, не понимаешь, где ты и куда идти, но каждый раз все равно из-за угла выходишь к колокольне Джотто и красному куполу Дуомо.

Нужно выучить Флоренцию ногами, до автопилота. Это возможно. Это необходимо.

В поезде листаю фотографии видов и шедевров и хочу скорей вернуться.

Мы крепкие, синдром Стендаля переносим на ногах.

ВЕНЕЦИЯ

Этот город можно полюбить с первого взгляда. Или заставить себя полюбить, – потому что не зря же великие заходятся в единодушном экстазе и посвящают стихи, прозу, картины, фильмы... Убедить себя, что нельзя не полюбить. Можно возненавидеть, – тоже с первого взгляда, за разочарование и несовпадение с великими, из чувства противоречия авторитетам (таким образом становясь авторитетом альтернативным). Причем возненавидеть проще: за ветшающие дома, ускользящую от понимания логику кривых переулков, запах тления, исходящий от мутной воды, немислимые цены, ночную полумертвую пустоту, отсутствие автомобильной гари, зашкаливающее за разумные пределы количество пар, проводящих здесь медовый месяц... Интересно было бы посчитать, сколько детей здесь зачато. И заражены ли они – еще в утробе – воздухом здешней пахучей тишины.

Моя любовь к этому городу настоящая. Потому что проснулась – не с первого взгляда. «Догнала» в осенних снах о прошедшем лете. Чувством утраты, внутренней лакуны, – когда маленький кусочек заполненной бытом, тревогами, надеждами, радостями, мыслями и ожиданиями души поставляет время от времени: вернись. Проверь себя. Этот город не может быть настоящим, его нет-и-не-будет. Neverland на юге объединенной Европы.

Это не Европа. Это даже не Италия.

Мы встретились впервые в душном августовском мареве. И, конечно, не наедине. Там не нужны автомобили, люди сами создают пробки, пробираясь в двух противополож-

ных направлениях. В сущности, в туристической части их всего два. Per Rialto и назад, Per San Marco. Еще дважды (место и время встречи изменить нельзя?) мы виделись, как и впервые, мимоходом, в тесноте, духоте – и обиде. Потому что я успела полюбить и никак не могла удостовериться во взаимности за отведенные на пробег-экскурсию-сувениры несколько часов. Потом катер – или до ближайшего побережья той же (непохожей) страны, или «дальнего следования» – до дешевого адриатического курорта выздоравливающей после кустурицевой войны Хорватии.

Но, как бывает с безответно влюбленными, я мечтала... Сперва скромно: только провести ночь. Чтобы отдохнуть от яркого солнца и посмотреть, какой он, мой город, в то время суток, когда исчезают маски, его символы и магниты. Мечты ведь дело такое, далеко заводят, не угнаться. Вот бы пару дней... Недельку... Гнать от себя мысли про «навсегда», потому что все конечно. И моя жизнь, и жизнь города, и даже любовь. И еще. Разве можно жить в том, чего не может быть?

Проза быта: говорят, там дважды в год нужно заново штукатурить стены и потолки помещений, которые называются палаццо. Потому что какие уж там дома – палаццо и есть. И ждешь, что мимо скопища японских туристов в одинаковых майках тенью выскользнет из облупленных дверей не меньше чем Джакомо Казанова в прячущем плаще (помните фильм с блистательной Чуриковой, он именно

об этом) – навстречу новой встрече...

Мы трижды катались на гондоле – и трижды за дом Казановы нам выдавали разные палаццо. Дух его – везде? Не все ли равно, где он бывал, если может скрываться за любой дверью...

Город приворожил меня, присушил – хоть и наполнен водой через край, с перехлестом. Циничные и опытные уверяют, что лучше всего убивает чувства – житье вместе бок о бок, без тайн и глянца. Даже недолгое.

...Мы выбрали для совместной жизни конец января. Холодный мокрый ветер. Лужи под деревянными мостками – недавно была «высокая вода», которая пугает туристов...

И на которую так обыденно реагируют венецианцы: доставая резиновые сапоги и вынимая из луж в холле полы штор, чтоб заколоть их повыше, пока acqua alta не отправится восвояси.

Три дня – до уикэнда – были самыми счастливыми в нашей совместной жизни. Пустые переулки. Гулкие подворотни. Коренные жители вместо туристических толп. Домашняя еда в безлюдных кафе. Скучающие гондольеры. И – эти вечера, когда сумрачные тени маскируют погрешности фасадов, и слышен только плеск мутной воды и – редко-редко – торопливые шаги заблудившихся прохожих.

Нас, приехавших на свидание с городом, – восемь русских. И мы, хорошие друзья, умудряемся ссориться из-за Венеции, как из-за любимой женщины. Этот город мертвый, говорят одни. Посмотри, в темноте кажется, что сейчас появится призрак. Страшно и противно.

...Если призрак – то галантного века, возражаю я. Плещ-домино, маска, оставляющая на виду только блестящие предвкушением глаза. Шорох длинной юбки. Звон шпаги. Они – здесь, я чувствую это. И мне не страшно.

...А после трех дней тишины маски действительно вышли на улицы. Называется карнавал.

Он давно уже – явление внутреннее, кстати, если соберетесь. Праздничные мероприятия в кафе и палаццо – разной стоимости и степени пафоса – напоминают, в зависимости от той же стоимости, либо ярмарочную клоунаду в деревне, либо театральное представление для богатых. Без уча-

ствия сердца.

Но можно взять напрокат платья и камзолы 18 века (скрупулезно подобрав цветовую гамму – по семьям, чтоб пара так пара). И задевать юбкой игрушечные столики. И выпрямлять спину, и искать взглядом кавалера, который готов стать на одно колено и поцеловать руку в прозрачной перчатке – с целью просто обратиться к даме...

И непременно – маска. Даже если она кажется паутинкой, когда берешь ее. Она изменит ваше лицо и, главное, преобразит тот мир, который вокруг. Вы забудете о том, что под кринолинами – теплые брюки, что минуту назад азиатские туристы просили сфотографироваться на память (вы – первые карнавальные лица, европейские участники придут только на следующий день), что не найти ночью гондольера для романтической прогулки (у них профсоюз и нормированный рабочий день)...

Вполне достаточно надеть маску, чтобы ночь стала таинственной, спутники – романтическими незнакомцами, а те, кто еще не выпал из времени и пространства в карнавальную вечность, показались безжизненными тенями в Зазеркалье.

...А утром уже ты с другой стороны зеркала. Ты едешь на вапоретто, обняв вчерашнее платье в прозрачном чехле, а люди вокруг веселятся, даже если весь костюм – черное домино, фанатский колпак и маска из папье-маше. Пьяный оркестр, муниципальные шествия, рок-концерт... Ты с чувством превосходства скользишь мимо и укориженно кача-

ешь головой: карнавал умер... Давно ли? 200 лет назад? Нет, вот только вчера, на глазах у тебя, когда кринолины, перчатки и вуали вперемешку с мужскими чулками, пряжками и шляпами обессилено уснули в гостиничном кресле. Так и город – умирает уже 200 лет. Об этом пишут великие. о недолгом сроке, оставшемся старым сваям посреди зеленого моря. Пишут два века. А для меня город умирает, когда я уехала, – и всплывает вновь – Летучий голландец! – когда в аэропорту «Марко Поло» мы садимся в катерок под именем «такси».

Ну, за что же ты любишь ее, Венецию Морскую? Тающую, размокшую, тонущую? Не-живую?

Как объяснить? Почитайте путеводители – которые о высоком. Но кроме достопримечательностей и исторических очерков... Перейдите через Риальто туда, где наших (посторонних) – почти и нет. Там голуби не выпрашивают корм, а нахохлившись спят на высоких подоконниках. Там старик на глазах прохожих отливает из муранского стекла бабочек и виноград, да так, что они оживают. Там покрывают столики бумагой, и из тарелки с отбитым краешком можно попробовать самую вкусную в мире домашнюю пасту. Там маленькие дворики, ступеньки которых ведут в лагуну – и больше никуда.

А если страшно, то и на туристической стороне – посмотрите в витрину, где в прозрачной вазе груды стеклянных вишен, мой трехлетний навязчивый бред. Мы покупаем их дю-

жинами, а дома высыпает в вазу, которая никак не может наполниться. То ли она бездонная, то ли это просто город дает повод вернуться... Зайдите во «Флориан» – где, если провести пальцем по столу, есть шанс через время почувствовать прикосновение Байрона или Бродского. Там, во «Флориане», дают лучший в мире горячий шоколад. И играет оркестр. Музыка включена в счет – кто сказал, что прекрасное может быть даром? Даром – без денег? За все ведь приходится платить.

За мокрый климат – штукатуркой и чухоткой. За голые плечи в разгар зимы – горячечной лихорадкой и заложенным носом. За любовь – разлукой.

Пять дней – это очень мало. Только привыкнуть. Только шагнуть в морской прибой – а до таинственных глубин сколько? Жизнь?

В этом городе нельзя жить. Очень хочется, но нельзя. Потому что, кажется, здесь не живут и не умирают. Здесь оку-

наются в Вечность, и все остальное не имеет значения.

Я обязательно вернусь. Хотя тебе, Венеция, это должно быть все равно: уж сколько их упало в эту бездну...

Ты – средневековая красавица в расшитом золотом, но потрепанном веками платье. Ты не снимаешь маски – ни перед чужими, ни перед своими. И только на обветренных мокрых фасадах появится новая трещинка, незаметная среди других: зарубка на память, жестокий любовный счет. Моя душа где-то здесь, зацепилась чулком – и тонкая ниточка тянется через всю Европу. Тянется и не рвется.

Я обязательно вернусь.

АРЕЦЦО

Ареццо очень близко от автострады, и, когда подъезжаешь, кажется, что он более пологий, чем остальные тосканские шедевры: обычно к ним ведет петляющая двухполоска между подсолнухов и виноградников, потом гора – а на горе крепость, и сразу понятно, что за стену не въедешь, и к главной площади придется почти доползать после крутого подъема. Ареццо с виду не такой, более обширный и плоский. Еще странно, что его крепостные стены – со множеством ворот – не так отчетливо ограничивают пространство, как в других городах.

Если приезжаешь днем, автобусные группы уже отчалили, местные ушли отдыхать до заката, зато открылись после обеденной паузы церкви, и в них почти никого, и можно спокойно разглядывать фасады и стены.

Для того, чтобы увидеть античные останки, обойти все храмы, найти все следы этрусков, побродить в крепости, посмотреть пинакотеку, – нужно больше, чем день. Покажу только то, что успели.

Самая прекрасная, по мне, церковь Ареццо – Пьеве ди Санта Мария. Пьеве – это сельский приход; но храм очень большой, резной – четырехъярусный! – фасад невероятной красоты, колокольня. На входе недавно отреставрировали фигуры двенадцати месяцев; теперь можно представить от-

четливо, какое впечатление на прихожан производила свежая работа.

Для этой церкви писал полиптих Лоренцетти, сейчас шедевр на реставрации, но на его месте цветная фотография в величину оригинала, в конце концов, можно вообразить, что разглядываешь альбом.

На одной из колонн у лестницы притаились двое святых, Франциск и Доминик; Вазари утверждал, что это работа Джотто, потом атрибутировали иначе, но что это меняет, чудесные же.

Купель с резными барельефами, начало 14 века, работа Джованни д'Агостино, из жизни Иоанна Крестителя.

Здесь все колонны – с разными капителями. Растения, животные, лица; наверняка в расстановке – стройная концепция, как известно, прежде всё имело смысл; в который раз уже мечтаю, чтобы все итальянские шедевры были описаны подробно, покадрово, по миллиметру; такие справочники сделали уже для многих мест, сюда не добрались пока.

Вот Мадонна с младенцем, волхвы с дарами – у ног, парит мраморный ангел. Напротив – Богоявление. Это Бенедетто Антелами.

И трогательно расписанный престол.

Впервые упоминания об этой церкви встречаются в 1008 году. Через тысячу лет, пока я брожу, органист настраивает инструмент перед вечерней службой, злится, ему не нравится звучание, он разговаривает с клавишами, страстно их упрекает и начинает мелодию снова.

...Если идти по улицам ввысь, придешь на аретинскую Пьяццу Гранде, Большую площадь; она наклонная, бывший римский форум; выложена красным кирпичом, окружена дворцами, украшена фонтанами. Здесь проходят антикварные ярмарки – и рыцарский Турнир Сарацинов, когда контрада на контраду, район на район, как в Сиенском палио. Контрад тут поменьше, чем в Сиене, но состязательный накал не меньше. И так же четки границы, чтобы не было сомнений, флаги и таблички: помни, путник, где ты, мы

в первую очередь сантандреасские, потом аретинские, потом тосканские, и только потом итальянские; так расходятся концентрические круги самоидентификации везде в Италии, не знаю, много ли здесь девушек, старательно затапывающих внутреннюю деревню при переезде в Большой Город, но нам попадаются в основном люди, обожающие место своего рождения, тоскующие по нему, при первом удобном случае несущиеся туда, чтобы быть ДОМА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.